

УДК 820.09 (043.3) + 82.015 (043.3)

ОБРАЗ РИМА В ПОЭЗИИ ЭЗРЫ ПАУНДА

Н.В. НЕСТЕР

(Полоцкий государственный университет)

Анализируется специфика восприятия Рима в поэзии Эзры Паунда в контексте его многочисленных стихотворений о различных городах.

Отдельные города способны вызывать связанный с ними поэтический текст. В силу определенных исторических и культурных особенностей такой город приобретает особенный статус в человеческом сознании. В поэзии Паунда присутствуют образы Рима, Венеции, Вероны, Павии, Милана и Нью-Йорка. Если образы Венеции, Павии, Милана и Нью-Йорка порождают в поэзии Паунда некие женские образы, с которыми связаны определенные воспоминания поэта, то Рим трактуется поэтом как некий условный город.

Каждый итальянский город в стихотворении Паунда «To a City Sending Him Advertisements» (Uncollected Miscellaneous Poems 1913 - 1917) обладает своим образом, характером и светом, способен любить и ненавидеть. Таким образом, город воспринимается поэтом как некое живое, нетленное и вечное существо.

If each Italian city is herself,
Each with a form, light, character,
To love and hate one, and be loved and hated,
never a blank, a wall, a nullity;

И если каждый итальянский город
Имеет свой образ, характер, свет,
Способен ненавидеть и любить,
вовек не станет пустотой, стеной, ничем.

(Пер. Ю. Орлицкого)

Паунд упоминает о соперничестве двух северных итальянских городов - Павии и Милана. Павию Паунд называет «white slender neighbor, a queen of cities» и противопоставляет ее Милану «Milan swelling and being modern / despite her enormous treasure».

Стихотворение «Guillame de Lorris belated» (Personae, 1909) сопровождается подзаголовком «A vision of Italy». Для Паунда каждый город на севере Италии, где он когда-либо побывал, - женщина, которую он любил, назначал свидания, расставался: «And first the cities of north Italy / I did behold, / Each as a woman wonder-fair» («И Северной Италии селенья / Я первыми увидел. Каждый город / Был женщиной чудесной красоты»). Одним из таких городов стала для поэта Верона - «svelte Verona» («гибкая Верона»). Отъезд из Вероны и воспоминания о нем Паунд сравнивает со смертью, возвращение туда - с избавлением от душевных мук и страданий.

And all, yea all that dust doth symbolize
Was there forgot, and my enfranchised soul
Grew as the liquid elements, and was infused
With joy that is not light, nor might nor harmony,
And yet hath part and quality of all this three,
Whereto is added calm past earthly peace.

И всё, что означала эта персть,
Забилось; облегчённая душа
Вошла в стихию влаги, и прониклась
Не светом, не гармонией, не мощью,
Но тем, что этой троице причастно,
И больше: тишиной послеземной.

(Пер. О. Седаковой)

Поэт возвращается к дому сновидения и видит Фениче, оперный театр в Венеции, который Паунд сравнивает с лотосом. Подобное сравнение Паунд использует в стихотворении «Lotus-Bloom» (Poems from the San Trovazo book) и играет словами Fenice (итал. Феникс) и Venice (Венеция). Можно предположить, что театр Фениче был для Паунда символом всей Венеции.

Павию поэт называет «прислужницей девяти муз» - «a maid of nine «Pavia» hight». Паунд упоминает северные итальянские города Флоренцию, Гоито и Геную, олицетворяя их с женщинами. Геную, родину Христофора Колумба, Паунд соотносит с римской матроной Корнелией, дочерью Сципиона Африканского, прославленной матерью народных трибунов Тиберия и Гая Гракхов. Поэт говорит, что в одном Колумбе мать Генуя вырастила двух сыновей: «мужа и провидца»:

And more I might have seen: Firenza, Goito,
Or that proudest gate, Ligurian Genoa,
Cornelia of Colombo of far sight,
That, man and seer in one, had well been twain,
And each a glory to his hills and sea.

И далее: Флоренция и Гоито,
И Генуя, Лигурии отрада,
Корнелия Колумба своего:
Муж и провидец, в нем едином - двое,
И каждый - честь и слава отчих мест.

(Пер. О. Седаковой)

Образ Венеции находит отражение в двух текстах Паунда из сборника «A Quinzane For This Yule» (1908). Символом поэтического вдохновения выступает Венеция в стихотворении «Night Litany». В стихотворении «Partenza di Venezia» отъезд из Венеции Паунд уподобляет расставанию с возлюбленной и называет Венецию «землей легенд» (elf-tale land) «городом мечты» (Venice of dreams):

Ne'er felt I parting from a woman loved
As fell I now my going forth from thee,
Yea, all thy waters cry out «Stay with me!»
And laugh reflected flames up luringly.

И никогда я с женщиной любимой
Не расставался, как теперь с тобой
Все воды твои мне кричат: «Постой!»
И смех в них плещет, как огонь двойной.

(Пер. О. Седаковой)

Рим становится заглавной темой сонета «Rome» в сборнике «Canzoni» (1911). Темой другого стихотворения становится символ поэтического вдохновения - амфора с вином из тайников Святого Рима - «To T.H. The Amphora» из сборника «A quinzaine for this Yule, being selected from a Venetian sketch-book «San Trovazo» (1908). Еще одно стихотворение «From Chebar» из «Poems from miscellaneous manuscripts 1902 - 1917» противопоставляет Америку и Восток. Упомянутые тексты не составляют цикла, как многие стихотворения Паунда, однако обнаруживают некую тематическую близость.

Написание основных текстов, объединенных римской тематикой, связано с первым посещением поэтом Италии в 1898 году. Свой первый поэтический сборник «A Lume Spento» (1908) издал в Венеции. В период с 1924 по 1945 гг. и с 1958 по 1972 гг. Паунд жил в Италии. Умирает поэт в Венеции первого ноября 1972 года. Эзра Паунд похоронен на венецианском кладбище Сан-Микеле, поблизости от могил Дягилева и Стравинского. Этот отсек Сан-Микеле называют иногда «кладбищем изгнанников».

В стихотворении «From Chebar» Рим ассоциируется с родиной поэта, не настоящей родиной поэта - Америкой, а духовной родиной: *Out of the old I was, I held against the Romans...* В сборнике 1912 года «Ripostes» Паунд создает образ Нью-Йорка. Нью-Йорк, скрытый за аббревиатурой в заглавии одноименного стихотворения («N.Y.»), представляется с помощью принципа «маски»: бездыханный Город-Дева, где нет жизни, несмотря на то, что улицы переполняют миллионы людей.

Отвращение к американской цивилизации - один из самых устойчивых мотивов поэзии и публицистики поэта. В 1912 году Паунд опубликовал трактат «Patria mia», в котором говорит о том, что она воплощает все вульгарное, безвкусное, плоское, антихудожественное, всю меркантильность и грубую утилитарность, ставшие признаком XX века. Такой образ Америки сохраняется у Паунда неизменным, как бы не менялся он сам.

Сонет «Rome» открывается латинским эпитафием: «Dicam: Troja cades, et Troica Roma resurges!» - лат. «Скажу: Троя падешь, и Римом Троянским восстанешь!» из элегии Проперция (IV, I, 87). Буквальный смысл процитированного отрывка - в противопоставлении прошлого современности. Высказывание, принадлежащее римскому поэту, становится метафорой содержания сонета, в котором читатель должен искать не прошлое, а настоящее, саму жизнь. Кроме того, эпитафия из Проперция приобретает еще и иронический смысл.

Вышеупомянутый текст является переводом с французского языка из «Римских древностей» (1558) Иохима дю Белле (1522 - 1560). В свою очередь дю Белле перевел это стихотворение эпохи Возрождения Джованни Витали. Эдмунд Спенсер перевел переложение дю Белле в «Руинах Рима» («Жалобы», 1591). Таким образом, этот сонет как некий пратекст переходит из языка в язык, путешествуя через века и страны.

Основная тема сонета - смерть Рима, которая усиливается восьмикратным повторением существительного «Rome» и прилагательного «Roman». Рим осознается поэтом как умирающий город. В рассматриваемом сонете Паунд продолжает разрабатывать мотив «второй Трои», который использовал в стихотворении «Provincia Deserta».

Behold how pride and ruin can befall
One who hath set the whole world'neath her laws,
All-conquering, now conquered, because
She is Time's prey and Time consumeth all.

Гордыне и разрухе свой черед
Подвластны те, кто правил здесь и там.
Завоеватель завоеван сам,
Так Время всех со временем пожрёт.

(Пер. В. Микушевича)

В первой строке поэт обращается к новому пришельцу «new comer», который решил посетить Рим. Определение «new comer» можно соотнести с настоящим (present), которое противопоставляется прошлому (past) и, соответственно, предыдущему, старому пришельцу (old comer), который посетил Город ранее. При этом Рим предстает у Паунда «городом в городе» - «Рим в Риме»: *O thou new comer who seek'st Rome in Rome.*

Вторая строка противоречит первой - есть Рим, «Рим в Риме», но в настоящем городе нет ни одной вещи, какую пришелец может назвать «римской» (Roman). Кто этот пришелец - читателю неизвестно. Он необходим поэту только в первых двух строках с целью «искать» (seek'st) и «находить» (find'st), т.е. выступать в качестве поэтического зрения: *And find'st in Rome no thing thou canst call Roman...*

При этом Время выступает тем звеном, которое соединяет прошлое и настоящее Рима. Однако настоящее не подразумевает существование хоть какого-либо прошлого: странник, попадая в город, в который так долго стремился, уже не находит его. Всему виной Время, которое уничтожает все «со временем». Время действия в сонете «Rome» - настоящее, точнее настоящее в прошедшем. Кроме прошлого, настоящее время сонета включает в себя и будущее или вечное. Время - это миг, мгновение и вечность. Являясь пространством с особым статусом, Рим оказывается исключен из временного контекста и воспринимается целостно, вне времени.

Поэт гиперболизирует, утверждая, что Рим подчинил себе весь мир (whole world). Противопоставление «до» и «после» - завоеватель завоеван сам. Причина указывается далее. У «Вечного Города» появился соперник - Время (Time). Рим выступает «добычей, жертвой» времени. И тот, кто завоевал весь мир (all-conquering), в конце концов будет уничтожен самим временем (now conquered), так как: *She is Time's prey and Time consumeth all.*

В третьем терцете обыгрывается идея памятника: Рим - это не что иное, как «Rome that art Rome's one sole monument». Ритм первой строки заимствован Паундом из первого сонета Шекспира - «Thou that art now the world's fresh ornament». Современный Рим для Паунда - не живой город, а скорее памятник прошлому. Вместе с тем Рим - тот воин, который покорил город Рим (the town Rome). Таким образом, Рим - «продажный город» противопоставляется «Вечному Риму». Однако этому «Rome alone» противопоставит «Tiber alone», несущий свои воды к морю, тот «Tiber», который единственный избежал смерти. В этих строках проблема времени решается в пользу сосуществования нескольких времен в одной точке пространства. Тибр делает тему бесконечности времени актуальной, поэтому традиционный образ времени-реки модифицируется в образе Тибра.

Ход времени становится уловимым и оно одновременно начинает существовать в двух своих проявлениях: прошлом и настоящем. Образ прошлого определяется в третьем терцете сонета в изображении Рима. Время как бы материализуется в городской архитектуре, и Рим представляется воплощением прошлого. Прошлое противопоставлено настоящему, таким образом, Тибр символизирует не какое-либо определенное время, а нечто принципиально противоположное - вечность. Если Тибр представляет вечность как бесконечное течение времени, то Рим олицетворяет вечность как феномен надвременный, отрицающий любое конкретное время.

Далее поэт обращается к миру: «O world, thou unconstant mime!». Тот мир, который подчинил себе Рим, начал играть другую роль, несвойственную прежней. Мир сравнивается с мимом. Город с надежными стенами, построенный на века, подвержен разрушению «in thee Time», во времени, принадлежащем миру. Только древний Тибр в силах обогнать «swift time» и избежать смерти: *And that which fleeteth doth outrun swift time.*

Образ античной руины, пережившей бессмысленную ярость вандалов, в сонете не что иное, как метафора времени и судьбы. Таким образом, руина - историческая метафора определенного аспекта современности (катастрофы). Прошлое и настоящее, встречаясь в современности, отражают и сталкиваются друг друга, так же как жизнь и искусство. Судьба поэзии метафоризируется в образе памятника материальной культуры. В сущности, весь сонет Паунда «Rome» является воплощением высказывания Гераклита «Всё течёт и ничего не остаётся». Последнее выражение используется всегда в метафорическом смысле с переносом греческой реалии на современную почву.

В этом культе Вечного города, в этой вере в его прошлое и будущее величие скрывается идеализированный образ Рима. Рим - воплощение хаоса, запустения, внутренней и внешней дезорганизации и, в конечном счете, дезурбанизации. Зрительный образ римских развалин в значительной степени вытесняет умозрительный образ священного города.

В противоположность Паунду, Проперций рассматривает Рим в исторической перспективе. В элегии IV, I выделяется образ Рима прошлого, периода своего расцвета, и образ Рима современного, пришедшего в упадок. В элегии Проперций создает образ Вечного города. Данная элегия написана в форме монолога, обращенного к страннику, с целью рассказать о своей родине. Поэт использует принцип диахронии и излагает историю Рима от основания города. Проперций воплощает описание Рима посредством сравнения прошлого и настоящего города: Рим - холм, густо поросший травой; храм Феба Морского на Палантине - холм, где изгнанник Эвандр пас коров и быков; золоченые храмы богов - глиняные хижинки богов; дом Рема - очаг и держава Ромула и Рема; сенат в окаймленных пурпуром тогах - совет старшин.

Стихотворение Паунда «To T.H. The Amphora» завершает сборник «A quinzaine for this Yule, being selected from a Venetian sketch-book «San Trovazo» (1908). Поэтическое пространство стихотворения «To T.H. The Amphora» ограничивается погребамы Святого Рима, в которых находится амфора с вином времен. В данном тексте амфора является олицетворением поэзии, и каждая капля вина в ней - капля поэтического вдохновения, которое черпает поэт. Временные рамки стихотворения определяются прошлым и настоящим. Отличительной чертой пространства, изображенного Паундом, является его влияние на ход событий - прошлое обязательно воздействует на настоящее. Паунд посвящает его своему другу Т.Э. Хьюму и обращается к нему с просьбой:

Bring me this day some poet of the past,
Some unknown shape amid the wonder lords!
Yea of such wine as all time's store affords...

Пришли мне днесь безвестного в веках
Поэта, призрака среди владык!
Вино времён, к которому привык...

(Пер. А. Прокопьева)

Особенность истории Рима позволяет поэту соотносить пространство города не с каким-либо определенным временем, а с временным континуумом в целом. Способность пространства Рима изменять время находит отражение именно в этом стихотворении. Можно говорить о наличии двух пересекающихся времен, точкой пересечения которых является амфора.

From rich amphorae that nor years can blast
With might of theirs and blows down-rained fast,
Falernian and Massic of the Roman hoards,
I've drunk the best that any land accords,
Yet dread the time that I shall drink the last.

Из амфор, сохранённых в тайниках
Святого Рима. **Я** им весь пропах! -
Фалернской горечью, струёй Массик;
Чем освежить негнувшийся язык?
Всё высохло на битых черепках.

(Пер. А. Прокопьева)

Специфика Рима, его особое значение в мировом культурном и литературном контексте порождают особенности его восприятия и находят отражение в творчестве Эзры Паунда. Прежде всего это противопоставление Рима современной действительности, восприятие Рима как некоего идеального пространства, в котором содержатся символы поэтического вдохновения и признаки вневременных характеристик. Однако в поэзии Паунда трудно уловить хоть какой-либо целый целостный образ Рима, который воспринимается поэтом как нечто фрагментарное, состоящее из нескольких характеристик, в меньшей степени связанных с самим хронотопом Рима. Рим не имеет в поэзии Паунда определенного пространства, он скорее находится вне времени и вне пространства и обладает в некоторой степени вневременными и внепространственными характеристиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катулл. Тибулл. Проперций / Пер. под ред. Ф.А. Петровского. - М.: Гос. изд-во худ. лит., 1963. - 512 с.
2. Деревенский умник // Иностранная литература. - 1991. - № 2. - С. 208 - 229.
3. Эзра Паунд. Стихотворения и избранные Cantos. - СПб.: Владимир Даль, 2003. - 887 с.
4. Perkins D.A. A History of Modern Poetry. Modernism and After. - Cambridge, London: The Belknap Press, 1987. - 649 p.